

но повтыкать вехи по пути к этому дому для последующих поколений.

Наше настоящее, наше эмигрантское положение для судеб нарождающейся казачьей литературы имеет и положительные и отрицательные стороны; при чем, как это ни странно покажется на первый взгляд, по моему, первых больше чем вторых.

Эмигрантская жизнь материально бедна; ежедневная работа и забота о хлебе и службе отнимают много времени и энергии. Это безусловно — отрицательная сторона. Но тоскующая по родной земле, мятущаяся в изгнании душа казака, желание борьбы за свободу родного народа, призыв к этому своих братьев толкают на изливание своих переживаний в образной форме, т. е. к литературному творчеству. Это одно. Эмигрантская же жизнь рассеяла нас по разным странам, вольно или невольно знакомит нас с местной грамотой и языком и, следовательно, дает нам возможность с первоисточников знакомиться с лучшими образцами иностранной литературы, которая у многих и стара и славна, а молодая, зарождающаяся литература бывает так восприимчива. Эмигрантская же жизнь представила нам случай жить часто бок о бок или находиться под непосредственным свободным творческим влиянием лучших русских писателей, литературные формы которых не могут не оказать влияния на казачью литературу благодаря языковому единству; благодаря этому же положению наша казачья пишущая молодежь находится в несравненно лучших условиях творчества, чем теперь наши братья на родине — мы находимся в государствах с нормальным устройством, в условиях свободного, бесконтрольного творчества. Она же (эмигр. жизнь), будучи богатой всяческими переживаниями, дает наблюдательному взору много материала для воплощения в творчестве. И, наконец, наличие в эмиграции свободных печатных органов, с различными идеологическими направлениями, дает возможность каждому пишущему казаку печататься и представлять свою работу на суд казачьей аудитории. Все это — положительные стороны печальной эмигрантской жизни для развития зарождающейся казачьей литературы.

Но, до появления журнала „Вольное Казачество“ биение пульса казачьей литературы нельзя было заметно уловить; ни один казачий печатный орган не уделял ей особого внимания, она была в явном пренебрежении, в загоне. Только появление „В. К.“ с его постоянным и определенным литературным отделом (даже на первой странице), который за короткое время вообрал в себя все молодые творческие силы Казачества, заставило и другие журналы встревожиться и обратить внимание на свои молодые литературные ростки. И покойный „Путь Казачества“, и теперешний „Родимый Край“, в подражание „Вольному Казачеству“, заводят литературные отделы, начинают зазывать казачью пишущую братию. Но лучшие казачьи литературные силы (не только по моему мнению, но и по мнению многих наших противников) нашли вдохновение для своего творчества в идеологических устремлениях „В. К.“ и они, дружно разместившись на его страницах, голосистым молодым хором стали заглушать одиночные голоса в других „казачьих“, но без казачьих идей журналах, которые, во многих случаях, за недостатком своих сил, принуждены прибегать к помощи русских писателей.

Таким образом, „Вольное Казачество“ своим чисто казачьим полигическим направлением и своим правильно взятым, поощрительным отношением к молодой казачьей литературе оживило дремлющие творческие элементы и пропустило через свои страницы и направило по литературному пути не один десяток молодых казаков, желающих попробовать свои силы на литературном поприще. И если из этих десятков авторов хоть единицы выйдут на настоящую литературную дорогу и положат основу казачьей литературе, заслуга „В. К.“ будет велика.

Я сделал бы большое упущение, если бы не упомянул здесь об одном грустном, для дела литературы весьма вредном явлении... Это — не нужное, чрезмерное увлечение некоторых наших молодых литераторов вопросами „внутриорганизационных пертурбаций“, слишком активная ориентация на тех или иных лиц из среды наших политических руководителей,

в случаях их „несогласий“, которая, в конечном результате ведет к отпадению от активного литературного сотрудничества того или иного литератора. Я не говорю, что литераторы должны быть вне политики, нет, но я советую воздержание от мелочей „политики“, от активного участия в „неурядицах“, которые бывают во всякой семье, во всяком политическом течении и во всякой организации. Я утверждаю, что это отвлечение молодых литературных сил от прямого своего дела вредно отражается на непрерывности их же литературной работы.

По моему, наши начинающие поэты и писатели, разбившись согласно своим политическим взглядам между существующими казачьими печатными органами, постольку, поскольку эти органы не меняют своих идеологических направлений, должны спокойно и непрерывно делать свои литературные опыты. Национальная литература — великий фактор в жизни народа, ее значение сугубо увеличивается в период борьбы народа за свое существование и потому литература сама по себе достаточно важна и прекрасна, чтобы исключительно ей посвятить свои силы. Это наши молодые литераторы должны понять и если этого еще нет, то вина здесь только их самих.

Шалвур Нишинов.

О калмыцком журнале „Ковыльные Волны“

В ноябре месяце, в Париже вышел первый номер калмыцкого литературно-политического журнала „Ковыльные Волны“.

Журнал этот издается группой калмыков, называемой „Знамя калмыцкого народа“. Редактируется он президентом этой группы.

В выходе в свет этого журнала следует усматривать факт большой важности, ибо он является первым политическим печатным органом в истории калмыцкого народа. Еще более важным фактом является то, что первый политический печатный орган калмыков несет на своих страницах идею независимости Казачества.

Ранее выходившие калмыцкие журналы являлись органами общественных, а не политических организаций, поэтому они не подходили к разрешению координальных вопросов, стоящих над будущим калмыцкого народа, они не касались актуальных политических тем.

И вот журнал „Ковыльные Волны“ первый сделал шаг к разрешению политических вопросов, касающихся жизни своего народа.

Говорят, что печатное слово в эпоху национального возрождения народа является его главным оружием, и это бесспорно верно. Мысль эта хорошо выражена словами И. А. Билого, сказанными в этом же журнале: „Самое мощное орудие национального возрождения каждого народа — слово в устах национальной интеллигенции. В особенности слово печатное“. К этому можно прибавить еще одно положение, что народ имеющий свои политические идеалы, тем самым определяет свое право на политическую жизнь. Тот же народ, который передает решение своих политических вопросов другому народу, тем самым передает в руки его всю свою судьбу. Поэтому, мы особенно приветствуем выход в свет журнала „Ковыльные Волны“, т. к. появление его знаменует и выход калмыков на „политическую арену“, а вместе с тем свидетельствует о жажде к жизни калмыцкого народа и о желании его сохранить свое национальное Я.

Политическое с г е д о журнала К. В.“ определено: калмыки в составе независимого Казачьего государства. Во многих статьях авторы их особенно подчеркивают эти мысли, выражая их разными словами. Так, например, С. Балыков в статье „Наш путь“ говорит: „Вольноказачье дело есть дело калмыцкого народа“ или: „Независимая Казакия одной из составных единиц которой будет калмыцкий народ — вот наш путь“. Д-р Эр. Хара-Даван в статье „О наших национальных задачах“ дает аналогичную мысль: „Участь калмыцкого народа прежде всего зависит от участи окружающего его со всех сторон Казачества, посему калмыцкий народ должен быть в братском союзе, сожителстве с Союзом Казачьих Войск.“

В передовой и в других статьях ярко проводится та же самая мысль.

Демонстрация единого казачье-калмыцкого фронта, как нельзя лучше говорит об успехах идеи независимости Казачества и о крепости давней дружбы Казачьего и Калмыцкого народов. Вот уже много времени казаки и калмыки идут общим историческим путем, сообщая переживая и горе и радости... Мысль об этом в этом же журнале хорошо выразил К. Поляков в своем стихотворении:

Стремя к стремени шли веками,
Все они же: калмык и казак,
Стройно-легкими, победными рядами,
В серой пыли разящих атак".

Да, это было тогда, когда казаки и калмыки общим фронтом, во многих сражениях на многих полях своими саблями стяжали славу для нашей родины — Седого Дона...

Теперь пришли иные времена и иной фронт пришлось построить нам, фронт борьбы за свою независимость, и поврежнему мы видим здесь стоящих плечом к плечу казака и калмыка. Они продолжают свой исторический путь... Повторяем: выход в свет журнала „Ковыльные Волны“ является весьма своевременным и мы, вольные казаки, от всей души приветствуем нового борца за интересы нашей общей Родины.

Василий Фролов.

Два письма.

Передо мною два письма. Два письма и — два мира. Оба — из разных концов и от разных людей. Одно — из Шанхая, от г. председателя Казачьего Союза в Шанхае (не Мельниковского ли Союза?) г. П. Бологова. Письмо от представителя казачьей старшины единодельнического толка. Другое — из одного из пограничных пунктов на р. Амуре, от простого казака — вахмистра (амурца). Письма, повторяю, разные, но касаются одной и той же темы. Впрочем, пусть судят читатели, т. к. считаю, что сравнить их публично будет не безинтересно для многих казаков не только здесь у нас, на Дальнем Востоке. Вот они:

1. „13 ноября, 1930. Шанхай. М. Г. Мы, потомки Ермака, нисколько не раскисаемся, что наш прославленный Атаман приподнес Сибирь к ногам Московского царя. Его заветы мы чтим свято и по пути расчленения Родного нам Отечества не пойдем. Вопрос о самостий-

ной „Казакки“ нам чужд и не понятен. За спиной группы самостийников безусловно скрываются враждебные силы Национальной Единой России, каковой мы, казаки, желаем видеть свою Родину. На путь измены Казачество стать не может и не станет. Стоит ли Вам заниматься не казачьими делами? Пред. каз. Союза в Шанхае П. Бологов. — Е. В. Б. Г-ну Ковгану“.

2. „Ноября 7 дня 1930. Доброго здоровья дружище П. С. Спешу сообщить следующее: Программы 20 шт. и 4 шт. докладов получил. Журнал „В. К.“ за два раза три штуки получил. Календарь тоже получил. За все большое спасибо. Жаль, что опаздываю отвечать.“

Такая литература как журнал — приходится удивляться — есть же умные головы и у наших казаков, не бьют в бровь, а прямо в глаз, чисто по-казачи, за что надо отдать должное спасибо. Правда, не казаки как-то задумываются перед этим, но тут нет никакого труда людям уяснить и они охотно соглашаются. А казакам нужно читать да читать этот журнал... здесь говорится все и вся, что нужно делать казаку. Я лично не знаю, чем бы мог отблагодарить. Большое, большое казачье спасибо. Я, например, журнал перечитываю несколько раз.

Вот что дружище. Мне удалось подыскать человека, правда контрабандиста, но кажется добрый парень. Я как что, с ним перебрываю на ту сторону. Хотя он не так часто сюда приходит, но все же бывает. Я все-таки имею сведения, что литература попадает в руки крестьян. Он рассказывает, что очень трудно кому либо передать там, где его не знают, а потом берут охотно...

Я раньше Вам писал о К., который был на той стороне, вернулся и поехал в Харбин с докладом к С. Я от него не скрыл ни одной брошюры. Он сказал, если выгорит казачье дело, то это не плохо, но здесь нужна умная голова... Но я здесь не умолчал, что казаки тоже не пальцем деланы и пожалуй не поедут Москву спрашивать, как им построить свое казачье дело. Бывай здоров, М...“ (От ред. Подлинник этого письма имеется в редакции „В. К.“ Фамилии автора его не помещаем по понятным „пограничным“ соображениям).

— Вот и вопрос: кто же стоит за спиной самостийников? Оказывается, что распространять „В. К.“ — по Бологову это значит — заниматься не казачьими делами, а по вахмистру М. — это дело действительно казачье. Кто ближе к правде — Шанхай или Амур? — Думаю, что Амур. Письма говорят сами за себя.

П. Ковган. (Харбин).

Международная жизнь.

СССР в международных отношениях.

Много было причин способствовавших тому, что большевикам удалось в свое время овладеть столицами бывшей Российской империи, а затем всею ее территорией. Но главною среди этих причин была неудачная война и, как ее следствие — обнищание населения, социальный развал и политическая дезорганизация страны. — Большевиком — это привилегия побежденных, — говорили тогда политические деятели победоносных государств. И были в известной степени правы. Коммунистическая гроза сейчас же после войны пронеслась почти по всей средней Европе, задерживаясь над населением Германии, Австрии, Венгрии, Болгарии и т. д.

Этот факт хорошо усвоили себе Московские люди и первое время своего господства на Востоке Европы весьма мало внимания уделяли внешним отношениям. Торговли не вели, дипломатическую работу пренебрегали, признаниями *de facto* и *de jure* почти не интересовались. К чему? Война разорила и дезорганизовала почти одинаково — и побежденных и победителей. Капитализм — как будто изжил свою творческую силу и обанкротился в великой войне. Близится социалистическая революция. Готовиться надо не к дипломатическим отношениям с буржуазными государ-

ствами, а к организации Союза Европейских Социалистических Республик.

Так думали в Кремле в первые годы царствования Ленина, — и не только думали, но так и действовали. Сотни и тысячи вышколенных агентов брошено было из Москвы в Европу для пропаганды и агитации в соответствующих слоях населения, для укрепления уже существующих и создания новых коммунистических партий, которые должны были явиться опорными пунктами для большевицкой экспансии в желанный час социальной революции. До того верили большевики в эту революцию, что в короткое время не пожалели истратить на это дело сотни миллионов долларов, а в Москве удосужились уже организовать на всякий случай советские правительства для каждого из европейских государств, — и даже имена были опубликованы.

Это было золотое время для московского Коминтерна. Но, радостные ожидания его скоро поблекли перед неумолимою действительностью. Социальная революция запаздывала и, казалось, вовсе не собиралась появиться на европейском горизонте. Экономические и социальные силы Европы, заколебавшись под ударами войны и ее последствий, отвернулись от московского образца и стали на добрые старые довоенные рельсы. Государственная жизнь главнейших европейских стран сильно эволюционировала, но не в социалисти-